

Пролог

Я никогда не хотел, чтобы это произошло. Глупо говорить такое. Но это правда. И очевидно, что я никого не *убивал*. И никогда не стал бы. Ты знаешь это. Ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было.

Допустил ли я ошибки? Определенно. Я лгал. Я был эгоистичным. Я обидел тебя. Об этом я жалею больше всего на свете. Что я причинил тебе боль. Потому что я люблю тебя больше всего на свете.

Ты же это знаешь, правда? Что я тебя люблю?

Я надеюсь. Потому что не могу думать ни о чем другом. А в одиночной камере у тебя так много времени, чтобы подумать.

(Не волнуйся. Мой язык привел меня в «ящик». Так тут называют одиночную камеру. В общей камере слишком шумно. Всю ночь напролет кто-то бубнит, кричит, спорит и бормочет какую-то чушь. Если ты попадаешь сюда в здравом уме, то в итоге слетаешь с катушек. Но я не псих. Я знаю, что и ты это знаешь.)

Объяснения. Они что-нибудь изменили бы? Могут для начала хотя бы начать с ответа на вопрос «поче-

му?». Потому что все это оказалось куда труднее, чем я ожидал — брак, жизнь. Все это.

Вначале все так просто. Встречаешь кого-то классного, умного и забавного. Кого-то, кто лучше тебя, по крайней мере в чем-то, и вы оба это знаете. Влюбляешься. Но еще сильнее влюбляешься в его или ее представления о себе. Чувствуешь, что тебе повезло. Потому что тебе *и правда* повезло.

Проходит время. Вы оба слишком сильно меняетесь. При этом сам ты остаешься почти тем же. Правда выплывает наружу, и горизонт темнеет. В итоге вы оба оказываетесь рядом с человеком, который видит вашу настоящую суть. Рано или поздно ваша половинка поднимет зеркало и заставит вас посмотреть на себя.

Кто, черт побери, смог бы с этим существовать?

Поэтому вы делаете все возможное, чтобы выжить. И начинаете искать новую пару глаз.

ЛИЗЗИ

6 июля, понедельник

Солнце садилось все ниже в лесу небоскребов за Сокнами моего офиса. Я представляла, что сижу за столом, пока вокруг сгущается тьма. Интересно, поглотит ли сегодня она меня целиком. Как же я ненавидела этот idiotский офис.

В высотке напротив зажегся свет в одном окне. Скоро зажжется в другом, потом в третьем. Люди работали, люди жили. Учитывая все обстоятельства, стоит признать, что я в очередной раз задержалась после окончания рабочего дня. Наконец я потянулась к выключателю и включила свет у себя.

В маленьком круглом пятне света — нетронутый ланч, который утром собрал для меня Сэм. Индейка с перцем по особому рецепту и швейцарский сыр на правильном ржаном хлебе с морковью, поскольку Сэм обеспокоен, причем весьма справедливо, что у меня нехватка витаминов. Он упаковывает мне ланч все одиннадцать лет, что мы живем в Нью-Йорке — восемь из них в браке, — даже в те дни, когда ничего не берет с собой.

Я нерешительно отодвинула контейнер с ланчем и посмотрела на время на компьютере. Семь часов

семнадцать минут. Не так уж и поздно, но в нашей конторе «Янг & Крейн» время для меня всегда ползет еле-еле. Я сторбилась, пытаясь сосредоточиться на довольно невнятном письме в Министерство юстиции, которое правила для еще одного старшего юриста с полным отсутствием опыта в уголовных делах. Наш клиент — производитель аккумуляторов для мобильных телефонов. В отношении нескольких членов правления ведется расследование по поводу разглашения инсайдерской информации третьим лицам. Обычное уголовное дело для подобной компании: неожиданная загвоздка для ранее существовавшего корпоративного клиента.

У «Янг & Крейн» нет конкретной программы ведения процессов по экономическим преступлениям. Вместо нее у нас есть Пол Гастингс, бывший шеф нью-йоркского управления по борьбе с организованной преступностью и преступлениями против личности. А теперь вот и я. Пол трудился до меня в прокуратуре и близко общался с моей наставницей и боссом Мэри Джо Браун, которая четыре месяца назад настояла, чтобы Пол нашел мне работу в этой конторе. Вообще-то Пол был впечатляющей фигурой, известным юристом с многолетним опытом, но в «Янг & Крейн» он всегда напоминал мне недавно вышедшую в тираж скаковую лошадь, которая отчаянно жаждет, чтобы ворота с треском открылись по сигналу еще один последний раз.

«Эм энд эмс». Вот что мне нужно, чтобы покончить с этим письмом, которое, несмотря на все мои потуги, так и оставалось тремя неубедительными абзацами уклончивых витиеватых фраз. Шоколадные драже

лежат в этой многолюдной конторе почти в каждом шкафу с закусками — дополнительный бонус, чтобы облегчить каторжный труд любителей поработать по ночам. Я собиралась было отправиться за конфетами, как на экране телефона всплыло оповещение о новом письме, которое пришло по электронной почте. Я специально положила телефон на дальний край стола, чтобы он меня не отвлекал. Это было письмо на мой личный ящик от Милли, тема «Позвони мне!». Уже не первое за прошедшую пару недель. Обычно Милли не проявляла подобной настойчивости, но прецеденты бывали. Это не обязательно означало, что дело и правда не терпит отлагательств. Я провела пальцем по экрану, перемещая сообщение в папку «Старые письма», даже не открыв. В конце концов я обязательно прочту это и предыдущие письма Милли, как всегда бывает, но не сегодня.

Я все еще не сводила глаз с мобильника, когда начал трезвонить рабочий телефон. Уже по одной только мелодии я поняла, что звонят на мой прямой номер, но не из конторы, а извне. Наверное, Сэм. Не так уж много людей знают мой новый рабочий телефон.

— Вам поступил телефонный звонок за счет абонента из исправительного учреждения города Нью-Йорк от заключенного по имени... — произнес механический голос, после чего повисла бесконечно долгая пауза.

Я затаила дыхание.

— Зак Грейсон, — произнес человеческий голос.

Затем снова заговорил робот:

— Если вы согласны взять на себя расходы, нажмите «один».

Я с облегчением выдохнула. Но Зак... Ничего не понимаю! Стоп, это Зак Грейсон, с которым мы вместе учились на юрфаке в Университете Пенсильвании? Я не вспоминала о нем по меньшей мере пару лет после того, как прочла об успешном логистическом стартапе ЗАГ, которым он управлял в Пало-Альто. Эта фирма предлагала эквивалент премиального членства многочисленным маленьким компаниям, пытаюсь соревноваться с «Амазоном». Перевозки — не ахти как гламурно, но явно прибыльно. Но мы с Заком не общались с самого выпускного. Механический голос повторил инструкции, предупредив, что время на исходе. Я нажала «единицу», чтобы принять звонок.

— Это Лиззи.

— Слава богу! — дрожащим голосом выдохнул Зак.

— Зак, что происходит... — задать подобный вопрос значило допустить промах с профессиональной точки зрения. — погоди, не отвечай. Эти звонки записываются. Ты же в курсе, да? Если ты звонишь мне как юристу, то не стоит думать, что это конфиденциально.

Даже искушенные юристы порой до смешного тупы, когда сами решают свои юридические проблемы. А в криминальных делах и вовсе никуда не годятся.

— Мне нечего скрывать, — сказал Зак. Так говорят все юристы, которые обнаружили себя не на той стороне закона.

— С тобой все нормально? — поинтересовалась я. — Давай начнем с этого.

— Ну, я в Райкерсе, так что... — негромко произнес Зак. — Бывало и получше.

Я с трудом могла себе представить Зака в Райкерсе, тюрьме, которая разрослась настолько, что занимала целый собственный остров. Это безжалостное место, где содержались члены банды «Латинские короли», убийцы-садисты, но рядом мог ждать суда и парень, толкнувший пакетик травы за десятку. Зак отнюдь не был воротилой преступного мира. Он всегда казался мне... как бы это выразиться... мягкотелым. Его на части разорвут в Райкерсе.

— В чем тебя обвиняют? Мне нужны только формулировки обвинения, а не детали того, что там произошло.

Очень важно не предавать огласке ничего, что инкриминировано, и об этом слишком легко забыть. Однажды у нас все обвинение строилось на одном-единственном записанном звонке из тюрьмы.

— Нападение на офицера полиции. — В голосе Зака слышался стыд. — Это вышло случайно. Я был расстроен. Кто-то схватил меня за руку, а я дернулся и попал офицеру локтем в лицо, отчего у него из носа пошла кровь. Мне очень жаль, но я не нарочно. Я даже не знал, что он стоит позади меня.

— Это случилось в баре?

— В баре? — озадаченно переспросил Зак, и мои щеки зарделись. Станный вопрос. Проблемы у большинства людей начинаются отнюдь не в баре. — А! Нет, не в баре. Это случилось в нашем доме в Центр-Слоуп.